

УДК 811.113.6
<https://doi.org/10.25076/vpl.58.02>

И. В. Матыцина²

Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИМЕННОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОФИЦИАЛЬНО- ДЕЛОВОГО СТИЛЯ В РУССКОМ И ШВЕДСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье сопоставляется синтаксическая организация официально-делового стиля русского и шведского языков на материале параллельных текстов международных соглашений. На основе метода сравнительного анализа выявляются структурные сходства и расхождения в оформлении именных конструкций. Несмотря на то, что официально-деловой стиль в обоих языках демонстрирует доминирование субстантивных форм над глагольными, морфологическая структура и лексико-синтаксическое оформление таких конструкций существенно различаются. Для русского языка характерны ряды существительных в форме родительного или других косвенных падежей. В условиях ограниченной падежной системы шведского языка функции падежей реализуются при помощи предлогов, вследствие чего в шведской версии документов цепочкам родительных падежей соответствуют предложно-субстантивные конструкции с простыми неизменяемыми предлогами. Также к числу типичных канцелярских конструкций в русском языке относятся сочетания, включающие вставные девербативы или существительные с широкой семантикой, такие как «сфера», «область», «вопрос», что способствует усилению номинализации в официально-деловом стиле. В ряде случаев русские именные сочетания в шведском языке передаются посредством

² © Матыцина И.В. 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

инфинитивных оборотов или придаточных предложений. В статье предлагается ряд трансформационных моделей, обеспечивающих переход от синтаксических структур русского языка к структурам шведского с учетом норм официально-делового стиля шведского языка. Переизбыток субстантивных форм рассматривается как фактор, не соответствующий установкам на языковую экономию и структурную прозрачность, заложенным в «политику доступного языка», реализуемую в Швеции с последней трети XX века.

Ключевые слова: шведский язык, русский язык, официально-деловой стиль, сопоставительный анализ, именная конструкция

UDC 811.113.6

<https://doi.org/10.25076/vpl.58.02>

I.V. Matytsina

RUDN University

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF NOMINAL SYNTACTIC ORGANIZATION IN THE OFFICIAL-BUSINESS STYLE OF RUSSIAN AND SWEDISH

The article compares the syntactic organization of the official-business style in Russian and Swedish based on parallel texts of international agreements. Using the method of comparative analysis, the study identifies structural similarities and differences in the formation of nominal constructions. Although the official-business style in both languages is characterized by the predominance of nominal forms over verbal ones, the morphological structure and lexical-syntactic realization of such constructions differ significantly. Russian is marked by sequences of nouns in the genitive or other oblique cases. Due to the limited case system in Swedish, syntactic relations are primarily expressed through prepositions, which results in Russian genitive chains being rendered in Swedish by prepositional-nominal constructions with simple non-derived prepositions. Typical features of Russian formal language also include constructions with embedded deverbatives or semantically broad nouns such as “sphere”, “domain”, and “issue”, which contribute to the increased nominalization of official-business style. In a number of cases, Russian nominal constructions are translated

into Swedish by means of infinitive constructions or subordinate clauses. The article proposes a set of transformational models for shifting from Russian syntactic structures to their Swedish counterparts, taking into account the conventions of the Swedish official-business style. The overuse of nominal forms is viewed as incompatible with the principles of linguistic economy and structural clarity embedded in the "Plain Language Policy" implemented in Sweden since the late 20th century.

Keywords: Swedish, Russian, official-business style, comparative analysis, nominal construction

Введение

Официально-деловой стиль русского и шведского языков демонстрирует ряд общих черт, в том числе – преобладание именной формы выражения, которое проявляется в доминировании субстантивных форм над глагольными. Это объясняется абстрактностью и объективностью изложения, а также необходимостью представить положения документа в отвлечении от конкретного исполнителя, подчеркнуть их важность и весомость. Преобладание субстантивных единиц формирует узнаваемую структуру официально-делового стиля, однако может осложнять его восприятие. Многие именные сочетания, употребляющиеся в документах, принадлежат к числу типичных канцелярских оборотов. Однако, если в русском языке «цепочки» родительных (или других косвенных) падежей являются своего рода визитной карточкой официально-делового стиля, то в шведском языковая политика в отношении таких конструкций носит сдержанный характер. Исследователи предупреждают от злоупотребления субстантивными формами в шведском языке и отмечают, что их переизбыток (т. н. substantivsjuka «субстантивная болезнь») противоречит требованиям «политики доступного языка», реализуемой в Швеции с последней трети XX века.

Цель настоящего исследования состоит в установлении структурных характеристик именной синтаксической организации официально-делового стиля в русском и шведском языках с учетом ее функциональной роли и контекстуальной обусловленности. Задачей настоящего исследования является изучение и систематизация контекстов, в которых в русском и шведском языке употребляются именные компоненты.

Методы исследования

Сопоставление синтаксических структур, характерных для официально-делового стиля русского и шведского языков, осуществлялось методом сплошной выборки из параллельных текстов международных соглашений на шведском и русском языках. В фокусе исследования находятся предложения, содержащие именные сочетания из двух и более компонентов в русском языке, и их соответствия в шведском. В основе анализа лежит систематическое сравнение соответствующих структур двух языков с применением контрастивного анализа и трансформационного метода.

Теоретические предпосылки исследования

Вопросы профессионально-деловой коммуникации занимают многих российских и зарубежных исследователей (Malyuga, McCarthy, 2021; Мalyуга, Пономаренко, Минаева, 2020). Особое внимание в контексте настоящего исследования уделяется структурным характеристикам официально-делового стиля и тенденциям его синтаксической организации. В Швеции этой тематике посвятил значительное число работ шведский лингвист Э. Велландер (Wellander, 1950). Он подчеркивал необходимость синтаксической четкости формулировок в официальных текстах и выступал против чрезмерного использования девербативов в официальных текстах. Признавая допустимость ограниченного употребления отглагольных существительных в целях структурной компактности, он отмечал, что их чрезмерное скопление делает предложение перегруженным и затрудняет восприятие (Wellander, 1966, с. 261). В 1970-е годы Велландер признал, что так называемая «субстантивная болезнь», отмеченная им ещё в 1930-е годы, утратила прежнюю актуальность (Holmer, 2022, с. 37-38). С начала реализации «политики доступного языка» количество девербативов в официальных документах сократилось и на сегодняшний день не превышает четверти от общего числа употребляемых в тексте существительных (Nordman, 1992, Kiiski, 2013). Эти наблюдения были развиты в последующих исследованиях (Thorell, 1987; Wedin, 1993; Ehrenberg-Sundin, 1995; Ehrenberg-Sundin, Sundin, 2015; Vendegard, 2014, 2015), где внимание уделяется вопросам грамматической упорядоченности и системности в текстах нормативных документов. В настоящее время язык официально-

делового общения остается предметом лингвистического изучения, в том числе в связи с необходимостью унификации перевода нормативно-правовых документов в рамках Евросоюза (Ekerot, 2024; Lewis, 2019; Peluso, 2021).

В то же время официально-деловой стиль русского языка характеризуется широким использованием девербатов и рядов существительных в форме родительного и других косвенных падежей. В шведской версии документов им обычно соответствуют предложно-субстантивные сочетания с простыми непроизводными предлогами. Сочетания с формой генитива существительного в шведских предложениях являются менее типичными.

Результаты и обсуждение

Предложения, в которых русскому беспредложному словосочетанию с приименным родительным соответствует также беспредложное сочетание с формой генитива в шведском языке, относятся к ограниченному числу структурных соответствий. Тем не менее, семантический диапазон генитива в подобных конструкциях оказывается достаточно разнообразным. В таких случаях преобладают значения носителя признака (пример 1) и отношения, которое может реализовываться как значение принадлежности (пример 2):

(1) Tillhandahållande av <...> uppgifter om **brottslighetens tillstånd och utveckling** <...> (ÖSI) – *предоставление <...> данных о состоянии и тенденциях преступности <...> ...*

(2) ...från **de båda staternas** berörda myndigheter ... (ÖSI) – *... компетентных органов обоих государств... (СМВД).*

В роли определяющего слова могут выступать как нарицательные, так и собственные имена существительные: причем, если в русском языке главный компонент стоит перед зависимым (состояние и тенденции), в шведском он занимает по отношению к нему постпозицию (*tillstånd och utveckling*).

В качестве основного структурного соответствия русским беспредложным словосочетаниям с приименным родительным в шведском языке функционируют предложно-субстантивные конструкции. При этом в обоих языках определяющий компонент располагается в постпозиции по отношению к определяемому:

(3) brott **mot tullagstiftningen** liksom mot skattelagstiftningen (AvF) – *нарушения таможенного и налогового законодательства* (БННЗ).

Выбор предлога в каждом конкретном примере определяется семантикой компонентов. Например, при отсылке к конкретной статье или пункту договора встречаются сочетания с *предлогом i*, имеющие значение части целого:

(4) föreskrifterna **i denna artikel** <...> (AvF) – *положения настоящей статьи* <...> (БННЗ).

Также *предлог i* используется в шведском языке в тех случаях, когда родительный в русском языке имеет локативную семантику:

(5) <...> behöriga myndigheter **i båda staterna** (ÖRoS) – <...> *компетентные органы обоих государств* (СГПУ/ФСНП).

При обозначении носителя признака в шведском языке используется *предлог för*:

(6) ... och andra relevanta karaktäristika **för varje fiskefartyg** (ÖF) – *и других соответствующих характеристиках любого рыболовного судна* (СР).

Также *предлог för* может использоваться для передачи определительных отношений:

(7) Överenskommelsen skall tillämpas provisoriskt från **dagen för dess undertecknande** (ÖF) – *Соглашение будет временно применяться с даты его подписания* (СР).

Для обозначения производителя/источника действия в шведском языке может употребляться сочетание с *предлогом från*, соответствующее русскому родительному с семантикой деятеля:

(8) ... samarbeta i fråga om bekämpning av brott <...> vars förebyggande <...> kräver gemensamma åtgärder **från de båda staternas berörda myndigheter** (ÖSI) – *сотрудничать в борьбе с преступлениями, предупреждение которых требует совместных действий компетентных органов обоих государств* (СМВД).

На выбор предлога влияет управление главного слова. Так, в примере 9 существительное ändamålet требует предлога med, а существительное orsaken – предлога till, которые передают значения, выраженные в русском тексте родительным отношением:

(9) Framställningar enligt punkt 1 skall innehålla upplysningar om <...> **ändamålet med och orsaken till framställningen** (AvF) – *Запросы, указанные в пункте 1 настоящей статьи, должны*

включать следующие сведения: <...> **цель и причина запроса** (БННЗ).

Это особенно очевидно в сочетаниях с девербативами с суффиксами (-n)ing –ande/-ende, которые регулярно используются в списках и перечнях, где выступают в безартиклевой форме и служат для обозначения действий или мер, намеченных в договоре. Зависимый компонент таких сочетаний имеет *значение объекта действия* и присоединяется к главному слову при помощи *предлога av*:

(10) Samarbete mellan Parterna enligt Artikel 1 i denna överenskommelse ska ske genom

1. <...>
2. efterforskning **av gärningsmän och misstänkta personer;**
3. utarbetande och genomförande **av samordnad operativ verksamhet;**
4. tillhandahållande **av rättslig information** åt varandra och **uppgifter** om brottslighetens tillstånd och utveckling i sina stater; <...> (ÖSI)

Сотрудничество Сторон на основании статьи 1 настоящего Соглашения будет осуществляться путем:

- 1) <...>
- 2) розыска **преступников и подозреваемых лиц;**
- 3) разработки и осуществления **согласованных оперативных мероприятий;**
- 4) предоставления друг другу **правовой информации и данных о состоянии и тенденциях преступности в своих государствах;** <...> (СМВД)

В состав таких сочетаний нередко входят препозитивные определения, выраженные прилагательными или причастиями и уточняющие значение зависимого компонента, который может быть представлен как одушевленными (gärningsmän och misstänkta personer ‘преступников и подозреваемых лиц’), так и неодушевленными (av rättslig information ‘правовой информации и данных’, ‘samordnad operativ verksamhet ‘согласованных оперативных мероприятий’) существительными.

Именной характер официально-делового стиля в русском языке обусловлен также широким употреблением вставных девербативов, отсутствующих в шведском варианте документа. Круг таких

существительных ограничен – они образованы от глаголов с широкой семантикой: ‘обеспечить’, ‘осуществить’, ‘оказать’, ‘выполнить/исполнить’, ‘использовать’, ‘определить’. Большинство из них имеют каузативную или фазисную семантику и означают действия, которые следует совершить в рамках достигнутой договоренности. Кроме того, значение этих существительных включает в себя сему процессуальности и/или результативности.

Существительное ‘**обеспечение**’ используется, когда речь идет о создании условий для выполнения каких-либо действий:

(11) Behöriga myndigheter som har hållit kvar <...> ett fordon <...>, skall vidta lämpliga åtgärder **för att hålla fordonet i säkert förvar** <...> (ÖSFF) – *Компетентные органы Стороны, которые задержали <...> автотранспортное средство, <...> принимают разумные меры для обеспечения сохранности данного автотранспортного средства <...>* (ВППАС)

Значение процессуальности, носителем которого в русском тексте является девербатив ‘обеспечение’, в шведской версии документа частично передается глаголом hålla ‘держат, хранят, сохраняют’ (hålla fordonet i säkert förvar букв. ‘*держат транспортное средство в надежном хранилище’). Сема результативности, свойственная русскому отглагольному существительному, в шведском варианте не находит выражения.

Девербатив ‘**осуществление**’ используется тогда, когда речь идет о приведении в исполнение намеченных мер или реализации действий/деятельности:

(12) <...> **samordning** av verksamheten i frågor som uppstår under samarbetets gång <...> (ÖroS) – *осуществление координации деятельности по вопросам, возникающим в процессе сотрудничества <...>* (СГПУ/ФСНП)

(13) Informationsutbyte <...> skall ske beträffande: <...> former och metoder **för brottslig verksamhet** <...> (ÖSN) – *Обмен информацией <...> осуществляется относительно: <...> форм и методов осуществления преступной деятельности <...>* (ССБОН).

Отглагольные существительные ‘**выполнение**’ и ‘**исполнение**’ также имеют значение осуществления или реализации какого-либо действия. Они употребляются в сходных контекстах и различаются

стилистической окраской: девербатив ‘выполнение’ относится к нейтральному стилю, а ‘исполнение’ – к канцелярскому:

(14) Den mottagande Parten kan dröja **med svaret** på en förfrågan **om bistånd** <...> (ÖroS) – *Запрашиваемая Сторона может отсрочить выполнение запроса об оказании содействия* <...> (СППУ/ФСНП)

(15) **Avslag på begäran** skall genast meddelas den ansökande centrala myndighet <...> <...> (ÖSFF) – *Об отказе в исполнении запроса незамедлительно уведомляется запрашивающий Центральный орган* <...> (ВППАС)

В шведском варианте в этих примерах используются предложно-субстантивные сочетания с простыми производными предлогами (зд. av, för, på, om): samordning **av** verksamheten, metoder **för** brottslig verksamhet, svaret **på** en förfrågan **om** bistånd, avslag **på** begäran.

Есть также примеры, в которых русскому обороту с девербативом, выражающему свернутую предикативность, в шведском соответствует субъектно-предикатная структура:

(16) **En ansökan** om återlämnande av ett fordon **skall avslås** i följande fall <...> (ÖSFF) – *В исполнении запроса о возврате транспортного средства отказывается в следующих случаях* <...> (ВППАС)

В шведском предложении использована полнопредикативная конструкция, включающая в себя глагольное сказуемое, в состав которого входит модальный глагол долженствования *skall* и инфинитив *avslås* в форме пассива на -s (букв. *запрос должен отклоняться).

Одним из наиболее частотных вставных девербативов является существительное ‘оказание’, которое используется в контекстах, где идет речь о поддержке, содействии, предоставлении помощи самого разного рода:

(17) Denna överenskommelse skall inte beröra frågor **om** utlämning och **rättslig hjälp** i brottmål (ÖSN). – *Настоящее Соглашение не затрагивает вопросов выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам* (ССБОН).

(18) <...> gör en framställan **om** bistånd (AvF) – <...> *направляет запрос об оказании помощи* (БННЗ)

(19) <...> olika former **av** bistånd (AvF) – <...> *формы оказания взаимной помощи* (БННЗ)

В шведском тексте словосочетаниям с девербативом 'оказание' соответствуют субстантивные словосочетания с предлогом om 'о', передающим делиберативные отношения – информацию о предмете запроса, его сути, а также предлогом av, выражающим отношения внутреннего содержания и раскрывающим значение существительного (зд. former 'формы').

В тех контекстах, где идет речь о применении тех или иных средств, нередко употребляется девербатив 'использование':

(20) Biståndsframställning skall överlämnas <...> **genom teknisk textöverföring** (ÖSN) – *Запрос об оказании содействия должен передаваться <...> посредством использования технических средств передачи текста <...>* (ССБОН).

(21) Parterna skall <...> ge varandra ömsesidig hjälp **genom** behöriga kommunikationer (ÖSI). – *Стороны будут <...> оказывать друг другу содействие с использованием соответствующих каналов связи* (СМВД).

В шведском варианте в этих случаях обычно встречается сочетание существительного с предлогом genom 'посредством', имеющее инструментальное значение.

Есть и другие девербативы, которые в русской версии документов служат для передачи свернутых пропозиций и выражают вторичную предикативность. Среди них выделяется отглагольное существительное 'соблюдение', которое обычно сочетается с лексемами 'условия', 'нормы', 'правила' и используется в контекстах, где говорится о необходимости строгого исполнения достигнутых договоренностей (пример 22 (1)):

(22) (1) <...> den anmodade parten kan <...> koppla verkställandet [av biståndsframställningen] **till villkor** som rubriceras som nödvändiga. (2) I det fall den anmodande parten går med på **att bistånd lämnas** på föreslagna villkor skall den anmodande parten iaktta dessa villkor (ÖSN) – (1) <...> *запрашиваемая сторона может связать его [=запроса] исполнение с соблюдением условий* (букв. 'с условиями'), *определенных в качестве необходимых, <...>*. (2) *При согласии запрашивающей Стороны на оказание ей содействия* (букв. 'соглашается, что содействие предоставляется') *на предложенных условиях, она должна соблюдать эти условия* (ССБОН).

Второе предложение в этом примере (пример 22 (2)) представляет собой очень репрезентативный случай, наглядно

отражающий морфологические и синтаксические различия между шведской и русской версиями документов: сугубо именной характер русского официально-делового языка здесь проявляется в употреблении распространенных предложных словосочетаний, в состав которых входят цепочки форм косвенных падежей и вставной девербатив ('при согласии запрашивающей Стороны', 'на оказание ей содействия'). Структуры с наличием «тяжелого члена» в левой части высказывания очень характерны для книжно-письменных стилей в русском языке. В шведском варианте документа в обоих случаях употребляются придаточные предложения: условное с союзом *i det fall* и изъяснительное с союзом *att*. При этом в шведском тексте эксплицируются субъектно-предикатные отношения, которые в русском представлены в «свернутом» виде.

Рассмотренные модели встречаются в списках и перечнях. При этом в русском варианте договора используется назывное предложение со вставным девербативом широкой семантики (зд 'осуществление' и 'оказание'), отсутствующим в шведской версии документа:

(23) Parternas samarbete <...> skall ske i följande former: <...> g) **materiellt, tekniskt och konsultativt stöd**, samt medverka vid genomförande av expertundersökningar (ÖSN). – *Сотрудничество Сторон <...> осуществляется в следующих формах: <...> оказание материально-технической и консультативной помощи, а также содействие в проведении экспертиз; <...> j) samordning av verksamheten i frågor som uppstår i samarbetet <...> – осуществление координации деятельности по вопросам, возникающим в процессе сотрудничества, <...> (ССБОН)*

Реализации именного характера русского официально-делового языка также способствует включение в структуру русской фразы широкозначных существительных 'вопрос' (часто в форме множественного числа), 'область', 'сфера'. Возможно, отчасти они выступают в функции артикля, отсутствующего в русском языке, и уточняют значение отвлеченных существительных:

(24) <...> som beaktar de svårigheter som ägarna ställs inför **vid återställande** av fordon <...> (ÖSFF) – <...> *учитывая трудности, с которыми сталкиваются собственники в вопросах возврата автотранспортных средств <...> (ВППАС)*

(25) <...> **samverkan vid vidtagande** av åtgärder, som syftar till att förebygga (ÖroS) – <...> **взаимодействие по вопросам проведения мероприятий, направленных на предупреждение** <...> (СГПУ/ФСНП)

В шведском тексте представлены сочетания предлога *vid* с девербативами с суффиксом *-ande*, имеющие условно-темпоральное значение – букв. ‘при проведении’, ‘при возврате’. Использование существительного **‘вопросы’** в форме множественного числа как бы дробит целое понятие, выраженное девербативом, на составные части, каждая из которых становится отдельным моментом во взаимодействии договаривающихся Сторон.

В русском тексте документа часто употребляются вставные существительные **‘сфера’** и **‘область’**, которые выступают с ограничительной функцией, локализуя и уточняя действие, обозначенное при помощи существительного с отвлеченной семантикой:

(26) *ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott* (AvF) – **взаимная помощь в области борьбы с нарушениями налогового законодательства** (БННЗ)

В шведском варианте в этом контексте используются сочетания с предлогом *vid* с условно-темпоральным значением (зд. ‘в случае, при’). В русском также есть конструкции с предлогом ‘при’, которые имеют официально-деловую окраску (‘при наступлении, при использовании, при соблюдении’) и означают время, обстановку или обстоятельства осуществления действия (Ожегов), однако в данном случае эта конструкция не подходит (*при борьбе), поэтому за счет включения в предложение частично десемантизированного сочетания ‘в области’ несогласованное определение **в области борьбы с нарушениями налогового законодательства** приобретает ослабленную локативную семантику.

Как видно из примеров, частота употребления беспредложных именных сочетаний в шведском языке официально-делового общения значительно меньше, чем в соответствующих текстах на русском. Поэтому для соблюдения требований «политики доступного языка», если контекст позволяет, при переводе с русского языка на шведский цепочки существительных в форме

родительного падежа следует трансформировать. Сходные проблемы возникают при переводе документации с финского на шведский язык, поэтому Совет по шведскому языку издал руководство по написанию и переводу законов в Финляндии (Svenskt lagspråk, 2017, с. 73-74), где был предложен список трансформаций, которые рекомендуется использовать при переводе документации с финского на шведский язык. Ниже приводится этот список, переработанный нами в соответствии с особенностями перевода с русского на шведский язык³:

1) когда отглагольное существительное в родительном падеже (с предлогом или без) выступает в функции несогласованного определения, раскрывающего и уточняющего значение главного слова, в шведском языке ему может соответствовать инфинитив:

Рабочая группа изучила возможность открытия поликлиники – Arbetsgruppen har undersökt möjligheten att öppna en hälsovårdscentral (букв. 'возможность открыть поликлинику');

Предложение о предотвращении рецидивов преступлений – Ett förslag/Förslaget om att förebygga återfallsbrottslighet (букв. 'предложение предотвратить');

2) когда отглагольное существительное с предлогом выступает в качестве несогласованного определения с семантикой цели, в шведском языке ему может соответствовать целевой оборот *för att ... + infinitiv*:

Меры по улучшению законодательства – Åtgärder för att förbättra lagstiftningen (букв. 'улучшить законодательство');

3) когда сказуемое предложения выражено глаголом, имеющим валентность на прямую речь, а субъект действия, выраженного глаголом-сказуемым, не совпадает с субъектом, которому приписывается действие, выраженное девербативом, в шведском языке может быть употреблено изъяснительное придаточное с союзом *att*:

Правительство внесло предложение о создании новой должности – Regeringen föreslår att en ny tjänst ska inrättas/ ... att det ska inrättas en ny tjänst (букв. 'что новая должность должна быть создана/следует создать новую должность');

³ Переводы примеров выполнены автором работы (И.М.) и отредактированы носителями языка.

4) когда именное сочетание имеет темпоральную семантику, его можно передавать на шведском языке при помощи временных придаточных с союзом *när*:

При рассмотрении дела следует учитывать... – *När ärendet behandlas ska ... iakttas ...* ('когда дело рассматривается...');

5) в конструкциях с отглагольными существительными с широкой семантикой, такими как 'осуществление', 'оказание', 'исполнение', 'установление' и под. перевод на шведский нередко предполагает опущение этого существительного:

Обсуждалось установление авиационного сообщения между Лапландией и Мурманском. – *En flygförbindelse mellan Lappland och Murmansk har diskuterats* (букв. 'авиасообщение между Л. и М...');

6) когда именное сочетание указывает на причину того, о чем говорится в предложении, его можно передавать на шведском языке при помощи конструкций, выражающих причинно-следственные отношения, например, *i och med att* 'поскольку':

Вследствие введения новой должности, рабочая нагрузка снизится – *I och med att en ny tjänst inrättas blir arbetssituationen lättare* (букв. 'поскольку вводится новая должность...');

7) когда в именном сочетании содержится указание на условие того, о чем говорится в предложении, его можно передавать на шведском языке при помощи условного придаточного с союзом *om*:

Сокращение должности может привести к невыполнению поставленных задач. – *Om tjänsten dras in finns det en risk för att målen inte uppnås* (букв. 'если должность ликвидируется...');

8) Когда в именном сочетании на русском языке использованы девербативы 'продолжение', 'сокращение', 'увеличение' и их синонимы, при переводе на шведский они могут быть переданы причастным оборотом:

О продолжении эксплуатации шахты в Талвиваара в Соткамо – *Om fortsatt gruvdrift i Talvivaara i Sotkamo* (букв. 'о продолжающейся эксплуатации шахты...').

При обратном переводе – со шведского на русский язык – шведские отглагольные существительные, как правило, передаются также отглагольными существительными. Это особенно часто происходит в заголовках и перечнях. В этом случае девербатив обычно выполняет функцию подлежащего:

Organisera arbetet så att medbestämmandet ökar (DN) – букв. организовать работу так, чтобы совместное участие [в принятии решений] возросло.

Arbetskraftsinvandringens misslyckande (DN) – Провал [политики] ввоза рабочей силы (заголовок).

Также нередки случаи использования шведских отглагольных существительных в роли объекта:

Villkor för deltagande i internationella mässor måste uppfyllas av alla deltagare (DN). – *Условия участия в международных ярмарках должны выполняться всеми участниками.*

Как видно из примеров, в большинстве случаев перевод со шведского на русский язык сопровождается номинализацией, то есть превращением глагольных форм и придаточных предложений в отглагольные имена существительные. Этот прием состоит в «опредмечивании действий и процессов, т.е. выражении их посредством отглагольных существительных, а не глагольных форм» (Бреус, 2000, цит. по Балыгина, Круковская, 2018). Часто это связано с необходимостью сохранить коммуникативную структуру высказывания, которая в шведском языке в значительной степени передается при помощи определенных/неопределенных артиклей. Так, в рассмотренных выше примерах (№4) русские предложно-субстантивные словосочетания с девербативами выступают в качестве темы предложения и называют известный компонент ситуации; в шведском тексте это значение передается при помощи определенной формы существительного. Напротив, в примере №3 предложное сочетание с отглагольным существительным содержит новую информацию и занимает в высказывании позицию ремы. В соответствующем шведском варианте используется сочетание с неопределенным артиклем (en ny tjänst). Еще более очевидно это проявляется в примере №5, где, благодаря использованию вставного отглагольного существительного с семантикой начинательности (установление), сочетание прилагательного и существительного ('авиационное сообщение', соотв. шведскому субстантивному композиту в неопределенной форме en flygförbindelse), оказалось отодвинуто в правую, рематическую часть высказывания. Это позволило сохранить актуальное членение шведской фразы, при котором новой информацией является сам факт авиаперевозок между Лапландией и Мурманском, а не только

их направление. В шведском варианте фразы АЧП подчеркивается нехарактерным для шведского языка употреблением в позиции темы грамматического субъекта, имеющего показатель неопределенности (неопределенный артикль).

Тот факт, что девербативы объединяют в своем значении «категориальные признаки процессуальности, темпоральности, свойственные глаголу, и признак предметности», позволяет повысить «референтную самостоятельность обозначаемого действия <...>, представляя его как некую стабильную сущность, имеющую границы» (там же). Это находит отражение в таких примерах, как №7 и №8 где отглагольные существительные 'сокращение' и 'продолжение' занимают в высказывании инициальную позицию и выполняют функцию подлежащего и дополнения; в этих примерах имеет место свернутая пропозиция, которая является носителем дополнительной свернутой предикативности.

Выводы

Вставные лексемы, среди которых выделяются девербативы с отвлеченным значением и слова с широкой семантикой типа 'область', 'сфера' и 'вопрос', являются одной из самых характерных черт официально-делового стиля русского языка. На первый взгляд, включение в состав русских оборотов абстрактных существительных (с предлогом или без него) служит уточнению отношений между компонентами словосочетания. Однако в действительности эти слова, изначально имеющие широкую семантику, в составе конструкций рассматриваемого типа, как правило, дополнительно подвергаются полной или частичной десемантизации (Давыдова, 1987, с. 164), в результате чего сами такие обороты превращаются в канцелярские клише. Определенные лексико-грамматические конструкции начинают ассоциироваться с официально-деловым стилем и тиражируются, переключиваясь из текста в текст как маркеры функционального стиля, показатели объективности и важности содержания (Матыцина, 2021). В соответствующих шведских предложениях эти элементы опускаются, что необходимо иметь в виду при составлении документов на шведском языке или при переводе официально-деловых текстов с русского на шведский язык.

Именной характер официально-делового стиля русского языка также обусловлен наличием большого количества беспредложных сочетаний с приименным родительным, которые являются универсальным средством передачи различных значений. Несмотря на то, что такая модель есть и в шведском языке, на практике русским конструкциям с приименным родительным падежом с семантикой субъекта, объекта, отношения, времени и пространства в шведском чаще соответствуют предложно-субстантивные словосочетания. Это объясняется отсутствием в шведском языке развитой падежной системы: функцию передачи грамматических значений в нем выполняют предлоги. Также в качестве соответствия русским цепочкам существительных в шведском широко используются инфинитивные обороты и субъектно-предикатные структуры. Примечательно, однако, что характер шведского официально-делового языка определяется не только типологическими, но и прагматическими факторами.

Литература

1. Балыгина Е.А., Круковская О.А. Номинализация как средство повышения коммуникативного статуса обстоятельства в англо-русском переводе // Язык и текст. – 2018. – Т. 5. – № 1. – С. 3 – 10.
2. Давыдова Г.Б. Функциональный анализ конструкций с широкозначными словами в современном английском языке // Вопросы системной организации речи. – М.: МГУ. – 1987. – С.154-171.
3. Малога Е.Н., Пономаренко Е.В., Минаева А.А. Стилистические приемы как способ формирования дискурсивных свойств малоформатных рекламных текстов (на материале англоязычных экономико-политических медиаресурсов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – Т. 26. – № 4. – С. 82-87. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-82-87>
4. Матыцина И.В. Использование канцеляризмов и штампов в официально-деловых текстах в русском и шведском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № (5) 847. – С. 104-1171.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения 02.06.2025).
6. Bendegard S. Begriplig EU-svenska? Klarspråksarbetets förutsättningar inom den interinstitutionella översättningsprocessen, Doktorsavhandling, Uppsala universitet. – Uppsala: Uppsala universitet, 2014.
7. Bendegard S. Klarspråksarbetets villkor i samband med EU:s rättsaktsöversättning. // Sakprosa. – Vol. 7. – Nr. 2. – Art. 3. – 2015. <https://doi.org/10.5617/sakprosa.981>
8. Ehrenberg-Sundin B., Wedin, Å. Visst går det att förändra myndighetsspråket: en rapport från språkvårdsprojektet // Ds 0284-6012. – Stockholm : Allmänna förl. 1993.
9. Ehrenberg-Sundin B. En språkexperts vardag 3/1995. – URL: <https://www.sprakbruk.fi/-/en-sprakexperts-vardag> (дата обращения 08.06.2025).
10. Ehrenberg-Sundin B., Sundin M. Krångelspråk blir klarspråk. – Sthlm: Norstedts, 2015.
11. Ekerot L.-J. Lagspråk och skriftlighet: Det formella skriftspråkets konstruktionssyntax som grund för lagspråksförenkling och EU-översättning // Lundastudier i nordisk språkvetenskap. – Serie A, Vol. 86. – Språk- och litteraturcentrum, Lunds universitet, 2024.
12. Holmer L. Neutrala substantiv på -ande i text och ordbok. – Göteborgs universitet: BrandFactory, 2022. – URL: <https://gupea.ub.gu.se/bitstream/handle/2077/72009/Inlag-Holmer-2022.pdf?sequence=2> (дата обращения 19.04.2025).
13. Kiiski S. K. Svenskt juridiskt språk. – Östra Finlands universitet, 2013. – URL: <https://docplayer.se/7222805-Svenskt-juridiskt-sprak-en-studie-av-ordfrekvenser-i-direktivet-om-fri-rorlighet-for-personer-inom-eu-med-kvalitativa-iakttagelser.html> (Дата обращения 24.04.2025).
14. Lewis R.D. The cultural imperative: global trends in the 21st century // Training, Language and Culture. – 2019. – Т. 3. – № 3. – Pp. 8-20. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.3.1>
15. Malyuga, E.N., McCarthy, M. “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – Т. 25. – №.

2. – С. 391-416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
16. Nordman M. Svenskt fackspråk. Lund: Studentlitteratur, 1992.
17. Peluso M. The functional approach, semiotics and professional discourse // Training, Language and Culture. – 2021. – Т. 5. – № 2. – Pp. 62-72. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-2-62-72>
18. Svenskt lagspråk i Finland. Utarbetat av statsrådets svenska språknämnd. – Helsingfors: Statsrådets kansli, 2017. – URL: <https://vnk.fi/documents/10616/3457865/Svenskt+lagspråk%25C3%25A5k+i+Finland+2017> (Дата обращения 09.05.2025).
19. Thorell O. Svensk grammatik, 2. uppl. – Stockholm: Esselte Studium, 1987.
20. Wellander E. Hur bör våra myndigheters språk utvecklas – tidsenligt eller stilenligt? // Svensk Juristtidning. – Årg. 51. – 1966. – № 4. – S. 241-295.
21. Wellander E. Kommitte'svenska – en undersökning och ett försök till riktlinjer. Bilaga till trycksakskommitte's betänkande (SOU 1950:26). – Stockholm: Idun. – URL: https://weburn.kb.se/metadata/193/SOU_8214193.htm (Дата обращения 20.05.25).

Источники

1. (СР) Соглашение между Правительством Королевства Швеции и Правительством Российской Федерации в области рыболовства. – 1992. – URL: http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&link_id=16&nd=102020061&intelsearch (дата обращения 05.06.2025)
2. (ÖF) Överenskommelse mellan Konungariket. Sveriges regering och Ryska. Federationens regering på fiskets område. – 1992. – URL: <https://www.regeringen.se/contentassets/d6a1b19782a24c5e8bc762843f3412fb/so-199369-overenskommelse-med-ryska-federationen-roa-fiskets-omrade> (дата обращения 24.04.2025)
3. (БННЗ) Соглашение между Правительством Королевства Швеция и Правительством Российской Федерации о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства. – 1997. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901722918/titles/7DM0K9> (дата обращения 24.04.2025)

4. (AvF) – Avtal mellan konungariket Sveriges regering och Ryska federationens regering om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott. – 1997. – URL: <https://www.regeringen.se/contentassets/67970960b59640e0a7801b5bbfc55c6f/avtal-med-ryska-federationen-om-omsesidigt-bistand-vid-bekampning-av-vissa-fiskala-brott/>____(дата обращения 24.04.2025)
5. (ÖSFF) Överenskommelse mellan Konungariket Sveriges regering och Ryska Federationens regering om att återlämna stulna och förskingrade fordon. – 1999.
6. (ВППАС) Соглашение между Правительством Королевства Швеция и Правительством Российской Федерации о возврате похищенных или присвоенных автотранспортных средств. – 1999. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44935/ (дата обращения 24.04.2025)
7. (ÖSI) Överenskommelse om samarbete mellan Sveriges Rikspolisstyrelse och Ryska Federationens Inrikesministerium. – 1996.
8. (СМВД) Соглашение о сотрудничестве между Главным полицейским управлением Швеции и Министерством внутренних дел Российской Федерации. – 1996. – URL: <https://base.garant.ru/1300081/> (дата обращения 24.04.2025)
9. (ÖSN) Överenskommelse mellan Rysslands Federala myndighet för narkotikakontroll och Sveriges Rikspolisstyrelse om samarbete i kampen mot illegal hantering av narkotika, psykotropa ämnen och narkotikaprekursorer. – 2005.
10. (ССБОН) Соглашение между Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и Главным полицейским управлением Швеции о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропным веществ и их прекурсоров. – 2005.
11. (СГПУ/ФСНП) Соглашение о сотрудничестве между Главным полицейским управлением Швеции и Федеральной службой налоговой полиции Российской Федерации. – 1997. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9051995> (дата обращения 24.04.2025)

- 12.(ÖroS) Överenskommelse om samarbete mellan Sveriges Rikspolisstyrelse o Ryska Federationens Skattepolis. 1997.

References

- Balygina, E.A., & Krukovskaya, O.A. (2018). Nominalizaciya kak sredstvo povysheniya kommunikativnogo statusa obsoyatel'stva v anglo-russkom perevode [Nominalization as a means of enhancing the communicative status of a circumstance in English-Russian translation]. *Language and text*, 5 (1), 3–10. (in Russian).
- Bendegard, S. (2014). *Begriplig EU-svenska? Klarspråksarbetets förutsättningar inom den interinstitutionella översättningsprocessen. [Comprehensible EU-Swedish? The prerequisites for plain language work within the interinstitutional translation process].* (Doktorsavhandling, Uppsala: Uppsala universitet) [Doctoral dissertation, Uppsala: Uppsala University].
- Bendegard, S. (2015). Klarspråksarbetets villkor i samband med EU:s rättsöversättning [The terms of plain language work in connection with the translation of EU legislation]. *Sakprosa*, 7 (2) Art. 3, 1-13. <https://doi.org/10.5617/sakprosa.981>
- Davydova, G.B. (1987). Funkcional'nyj analiz konstrukcij s shirokoznachnymi slovami v sovremennom anglijskom yazyke [Functional analysis of constructions with broad-meaning words in modern English]. In *Voprosy sistemnoj organizacii rechi [Questions of systemic organization of speech]* (pp. 154-171). Moscow: Moscow State University. (in Russian)
- Ehrenberg-Sundin, B., & Wedin, Å. (1993). *Visst går det att förändra myndighetspråket: en rapport från språkvårdsprojektet [It is certainly possible to change the official language: a report from the language preservation project].* Ds 0284-6012. Stockholm: Allmänna förl.
- Ehrenberg-Sundin, B. (1995). *En språkexperts vardag [The everyday life of a language expert].* Språkbruk. Retrieved from: <https://www.sprakbruk.fi/-/en-sprakexperts-vardag> (Accessed 21.05.2025).
- Ehrenberg-Sundin, B., & Sundin, M. (2015). *Krångelspråk blir klarspråk [Difficult language becomes clear language].* Sthlm: Norstedts.

- Ekerot, L.-J. (2024). Lagspråk och skriftlighet: Det formella skriftspråkets konstruktionssyntax som grund för lagspråkförenkling och EU-översättning [Legal language and writing: The constructional syntax of formal written language as a basis for legal language simplification and EU translation]. *Lundastudier i nordisk språkvetenskap [Lund Studies in Nordic Linguistics]*, Serie A, Vol. 86. Språk- och litteraturcentrum, Lunds universitet [Language and Literature Centre, Lund University].
- Holmer, L. (2022). *Neutrala substantiv på -ande i text och ordbok [Neutral nouns in -ande in text and dictionary]*. Göteborgs universitet: BrandFactory [University of Gothenburg: BrandFactory]. Retrieved from: <https://gupea.ub.gu.se/bitstream/handle/2077/72009/Inlaga-Holmer-2022.pdf?sequence=2> (Accessed 19.04.2025).
- Kiiski, S. K. (2013). *Svenskt juridiskt språk [Swedish legal language]*. Östra Finlands universitet [University of Eastern Finland]. Retrieved from: <https://docplayer.se/7222805-Svenskt-juridiskt-sprak-en-studie-av-ordfrekvenser-i-direktivet-om-fri-rorlighet-for-personer-inom-eu-med-kvalitativa-iakttagelser.html> (Accessed 24.04.2025).
- Lewis, R. D. (2019). The cultural imperative: Global trends in the 21st century. *Training, Language and Culture*, 3(3), 8-20. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.3.1>
- Malyuga, E. N., & McCarthy, M. (2021). “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics*, 25(2), 391-416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
- Malyuga, E. N., Popomarenko, E. V., & Minaeva, A. A. (2020). Stylistic devices as means of forming discursive features of advertising minitexts (exemplified by English economic and political media sources). *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 26(4), 82-87. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-82-87>
- Matytsina, I.V. (2021). Ispol'zovanie kancelyarizmov i shtampov v oficial'no-delovyh tekstah v russkom i shvedskom yazykah [Use of Official Jargon and Cliche in a Formal Business Context in Russian and Swedish]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of*

- Moscow State Linguistic University. Humanities*], (5) 847, 104-1171. Moscow: Izd-vo MGLU [Publishing house of Moscow State Linguistic University]. (in Russian).
- Nordman, M. (1992). *Svenskt fackspråk [Swedish technical language]*. Lund: Studentlitteratur [Student literature].
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1992). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]*. Retrieved from: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (Accessed 02.06.2025).
- Peluso, M. (2021). The functional approach, semiotics and professional discourse. *Training, Language and Culture*, 5(2), 62-72. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-2-62-72>
- Svenskt lagspråk i Finland [Swedish legal language in Finland]*. Utarbetat av statsrådets svenska språknämnd. Helsingfors: Statsrådets kansli [Prepared by the Government's Swedish Language Committee. Helsinki: Prime Minister's Office], 2017. Retrieved from: <https://vnk.fi/documents/10616/3457865/Svenskt+lagspråk%20i+Finland+2017> (Accessed 09.05.2025).
- Thorell, O. (1987). *Svensk grammatik [Swedish grammar]*. Stockholm: Esselte Studium.
- Wellander, E. (1966). Hur bör våra myndigheters språk utvecklas – tidsenligt eller stilenligt? [How should the language of our authorities develop - in line with the times or in line with style?]. *Svensk Juristtidning*, 4, 241-295.
- Wellander, E. (1950). *Kommittésvenska – en undersökning och ett försök till riktlinjer [Committee Swedish – a survey and an attempt at guidelines]*. Bilaga till trycksakskommitténs betänkande [Appendix to the printing committee's report] (SOU 1950:26). Stockholm: Idun. Retrieved from: https://weburn.kb.se/metadata/193/SOU_8214193.htm (Accessed 20.05.25).

Sources

- (ÖF) Överenskommelse mellan Konungariket. Sveriges regering och Ryska. Federationens regering på fiskets område [Agreement between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the Russian Federation in the field of fisheries]

- (1992). Retrieved from:
<https://www.regeringen.se/contentassets/d6a1b19782a24c5e8bc762843f3412fb/so-199369-overenskommelse-med-ryska-federationen-poa-fiskets-omrade> (Accessed 24.04.2025).
- (SR) Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Korolevstva SHvecii i Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii v oblasti rybolovstva [Agreement between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the Russian Federation in the field of fisheries] (1992). Retrieved from:
http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&link_id=16&nd=102020061&intelsearch (in Russian). (Accessed 05.06.2025).
- (AvF) Avtal mellan konungariket Sveriges regering och Ryska federationens regering om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott [Agreement between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the Russian Federation on mutual assistance in combating violations of tax legislation] (1997). Retrieved from:
<https://www.regeringen.se/contentassets/67970960b59640e0a7801bbbf55c6f/avtal-med-ryska-federationen-om-omsesidigt-bistand-vid-bekampning-av-vissa-fiskala-brott/4>. (Accessed 24.04.2025).
- (BNNZ) Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Korolevstva SHveciya i Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii o vzaimnoj pomoshchi v oblasti bor'by s narusheniyami nalogovogo zakonodatel'stva [Agreement between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the Russian Federation on mutual assistance in combating violations of tax legislation] (1997). Retrieved from
<https://docs.cntd.ru/document/901722918/titles/7DM0K9> (in Russian). (Accessed 24.04.2025).
- (ÖSFF) Överenskommelse mellan Konungariket Sveriges regering och Ryska Federationens regering om att återlämna stulna och förskingrade fordon [Agreement between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the Russian Federation on the return of stolen or appropriated motor vehicles] (1999).
- (VPPAS) Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Korolevstva SHveciya i Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii o vozvrate pohishchennyh ili prisvoennyh avtotransportnyh sredstv [Agreement between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the

- Russian Federation on the return of stolen or appropriated motor vehicles] (1999). Retrieved from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44935 (in Russian). (Accessed 24.04.2025).
- (ÖSI) Överenskommelse om samarbete mellan Sveriges Rikspolisstyrelse och Ryska Federationens Inrikesministerium [Cooperation Agreement between the Swedish Police Headquarters and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation] (1996).
- (SMVD) Soglashenie o sotrudnichestve mezhdru Glavnym policejskim upravleniem SHvecii i Ministerstvom vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Cooperation Agreement between the Swedish Police Headquarters and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation] (1996). Retrieved from: <https://base.garant.ru/1300081> (Accessed 24.04.2025).
- (ÖSN) Överenskommelse mellan Rysslands Federala myndighet för narkotikakontroll och Sveriges Rikspolisstyrelse om samarbete i kampen mot illegal hantering av narkotika, psykotropa ämnen och narkotikaprekursorer [Agreement between the Federal Drug Control Service of the Russian Federation and the Swedish Police Headquarters on cooperation in combating illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors] (2005).
- (SSBON) Soglashenie mezhdru Federal'noj sluzhboj Rossijskoj Federacii po kontrolyu za oborotom narkotikov i Glavnym policejskim upravleniem SHvecii o sotrudnichestve v bor'be s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psihotropnym veshchestv i ih prekursorov [Agreement between the Federal Drug Control Service of the Russian Federation and the Swedish Police Headquarters on cooperation in combating illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors] (2005). (in Russian).
- (ÖroS) Överenskommelse om samarbete mellan Sveriges Rikspolisstyrelse o Ryska Federationens Skattepolis [Cooperation Agreement between the Swedish Police Headquarters and the Federal Tax Police Service of the Russian Federation] (1997).
- (SGPU/FSNP) Soglashenie o sotrudnichestve mezhdru Glavnym policejskim upravleniem SHvecii i Federal'noj sluzhboj nalogovoj

policii Rossijskoj Federacii [Cooperation Agreement between the Swedish Police Headquarters and the Federal Tax Police Service of the Russian Federation] (1997). Retrieved from: <https://docs.cntd.ru/document/9051995> (in Russian). (Accessed 24.04.2025).

УДК 811.11-112

<https://doi.org/10.25076/vpl.58.03>

И. С. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (Университет),

Т. И. Грибанова⁴

Московский государственный лингвистический университет

ПЕРСУАЗИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ (ОТ БИБЛИИ ДО ЦИФРОВЫХ ПРОПОВЕДЕЙ)

В настоящем исследовании рассматриваются особенности религиозных текстов (начиная с раннего периода до настоящего времени), определяющие их персуазивный характер. Цель статьи – описать стратегии убеждения, используемые в религиозных текстах, классифицировать их в соответствии с основными принципами аргументации и описать языковые средства, используемые для их реализации. Персуазивное воздействие рассматривается в статье как социальное взаимодействие, в рамках которого адресант влияет на адресата с целью изменить его отношение к предмету коммуникации, не ограничивая его свободу выбора. Убедительная аргументация основана на трех основных риторических принципах: логосе, этосе и пафосе. Авторы акцентируют важность этосного и пафосного компонентов для убедительности религиозных текстов, т. к. рациональная аргументация может происходить только в

⁴ © Лебедева И.С., Грибанова Т.И. 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>